

DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-64-68

УДК 342.71

Хакимов Ф. Ф.

ГЕНЕЗИС ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ЛИЧНАЯ СВОБОДА»

Аннотация. В статье исследуется историческая эволюция понятия «личная свобода» как фундаментальной правовой и философской категории. Автор прослеживает трансформацию идеи личной свободы от античных представлений о свободе как привилегии полноправного гражданина полиса до современной концепции неотчуждаемого права человека, гарантируемого государством. Особое внимание уделяется вкладу ключевых философских и правовых школ (античность, христианская мысль, либерализм Нового времени) в формирование содержания данного понятия. Анализируется переход от «свободы для» (участия в общественной жизни) к «свободе от» (неприкосновенности частной сферы от произвола власти). Делается вывод о том, что современное понимание личной свободы как комплексного права, включающего физическую, духовную и экономическую автономию индивида, является результатом длительного историко-культурного синтеза, борьбы за права человека и формирования конституционализма.

Ключевые слова: личная свобода; права человека; свобода личности; неприкосновенность частной жизни; генезис права; античная философия; либерализм; конституционализм.

Для цитирования: Хакимов Ф. Ф. Генезис возникновения понятия «личная свобода» // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 64–68. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-64-68

Khakimov F. F.

THE GENESIS OF THE CONCEPT OF “PERSONAL FREEDOM”

Abstract. The article explores the historical evolution of the concept of «personal freedom» as a fundamental legal and philosophical category. The author traces the transformation of the idea of personal freedom from ancient ideas of freedom as a privilege of a full citizen of the polis to the modern concept of an inalienable human right guaranteed by the state. Particular attention is paid to the contribution of key philosophical and legal schools (antiquity, Christian thought, modern liberalism) to the formation of the content of this concept. The transition from «freedom for» (participation in public life) to «freedom from» (inviolability of the private sphere from the arbitrariness of power) is analyzed. It is concluded that the modern understanding of personal freedom as a complex right, including the physical, spiritual and economic autonomy of the individual, is the result of a long historical and cultural synthesis, the struggle for human rights and the formation of constitutionalism.

Keywords: personal freedom; human rights; individual liberty; privacy; genesis of law; ancient philosophy; liberalism; constitutionalism.

For citation: Khakimov F. F. The Genesis of the Concept of “Personal Freedom”. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 1 (101). P. 64–68. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-64-68

64

Публично-правовые
(государственно-правовые)
науки

Понятие «личная свобода» является краеугольным камнем современного правового порядка, основой конституционного

строения демократических государств и центральным элементом системы прав человека [3. С. 30]. Однако его содержание,

воспринимаемое сегодня как самоочевидное, является продуктом многовекового интеллектуального и социального развития. Генезис этой идеи отражает глубинные изменения в понимании места человека в обществе, его отношений с государством и сакральности индивидуального бытия. Исследование исторических корней личной свободы позволяет не только понять современные правовые конструкции, но и осмыслить вызовы, стоящие перед ней в эпоху новых технологий и глобальных трансформаций.

Целью данной статьи является реконструкция ключевых этапов формирования понятия «личная свобода» в западноевропейской и отечественной правовой традиции.

В античном мире, прежде всего в Древней Греции и Риме, понятие свободы (*ἐλευθερία*, *libertas*) носило ярко выраженный политический и статусный характер. Свобода понималась не как «универсальное свойство человека, а как привилегия полноправного гражданина (полита) в противоположность рабу, варвару или чужеземцу» [11. С. 112]. Для Аристотеля человек по природе есть «существо политическое» (*ζῷον πολιτικόν*), и его свобода реализуется исключительно в пространстве полиса — через участие в народном собрании, отправлении магистратур, обсуждение общих дел.

Таким образом, античная свобода — это, в первую очередь, «свобода для» — для активной гражданской жизни и служения общему благу. Личная автономия в современном смысле (неприкосновенность частной жизни, свобода совести) не только не абсолютизировалась, но и часто была подчинена интересам коллектива.

Вместе с тем, стоическая философия, особенно в римский период, внесла принципиально важный вклад в интернализацию понятия свободы. Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий перенесли акцент с внешней, политической свободы на внутреннюю свободу духа. По их учению, истинно свободен мудрец, который, даже будучи рабом в физическом смысле, сохраняет внутреннюю независимость от страстей, внешних обстоятельств и произвола тирана. Эта идея автономии внутреннего мира личности, ее морального суверенитета стала одним из философских оснований для будущей концепции неотъемлемого человеческого достоинства.

Христианское мировоззрение произвело подлинную революцию в понимании

человека и его свободы, представив антропологическую модель, радикально отличавшуюся от античных концепций. В теологическом ключе личная свобода получила онтологическое обоснование как дарованная Богом свобода воли — способность нравственного выбора между добром и злом, коренящаяся в самой природе человека как существа, созданного по образу и подобию Творца [1. С. 45]. Согласно богословской системе Августина Блаженного, а позднее Фомы Аквинского, человек, будучи венцом творения, обладает свободным произволением («*liberum arbitrium*»), что делает его моральным субъектом, чьи решения имеют вечные последствия. Эта идея кардинально меняла представление о человеческой автономии: свобода переставала быть лишь политической привилегией или внешним статусом, становясь внутренним, сущностным атрибутом личности, определяющим её достоинство и духовную судьбу. Спасение души в этой парадигме мыслилось не как результат фатальной предопределённости или магического ритуала, но как плод свободного и ответственного выбора в пользу веры, покаяния и добродетели, осуществляемого в синергии с божественной благодатью.

Кроме того, христианство провозгласило принципиальное духовное равенство всех людей перед Богом, выраженное в формуле «нет ни эллина, ни иудея» (Кол. 3:11), что фундаментально подрывало античные философские и социальные основания для рабства и жёсткой сословной иерархии. Аристотелевская концепция «прирождённого раба» уступала место идее о том, что каждый человек, независимо от своего земного статуса, обладает бессмертной душой и уникальной, неповторимой ценностью в очах Божьих. Эта теологическая антропология, акцентирующая понятие образа Божия в каждом индивиду, заложила мощный этический и метафизический фундамент для будущего признания неотчуждаемых прав личности, поскольку посягательство на свободу и достоинство человека стало рассматриваться не только как социальная несправедливость, но и как оскорбление самого Творца.

Однако в исторической реальности Средних веков этот революционный потенциал был существенно ограничен и опосредован корпоративным устройством феодального общества, где личная свобода индивида была в значительной степени поглощена его принадлежностью

к жёсткой иерархии сословий, цеховым гильдиям или сельской общине. Индивид воспринимал себя прежде всего как часть коллективного тела («corpus»), а его права и обязанности вытекали из занимаемого в этом теле места, что создавало своеобразный парадокс: провозглашая онтологическую свободу и абсолютную ценность человека перед Богом, средневековое общество на практике строило систему, оставлявшую минимальное пространство для индивидуальной автономии в современном её понимании [9. С. 30]. Тем не менее, именно эти христианские категории — свободы воли, личного достоинства и фундаментального равенства — стали тем семенем, которое, пройдя через позднесредневековую схоластику, гуманизм и Реформацию, дало впоследствии обильные всходы в философии Просвещения и в светских доктринах естественного права, составив в конечном итоге идеологическую основу современной концепции прав человека и конституционных свобод.

Качественный скачок в осмыслении личной свободы происходит в Новое время, в эпоху Просвещения и формирования либеральной идеологии. Мыслители-контрактуалисты (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо) разработали теорию естественного права, согласно которой в «естественном состоянии» человек обладает полной свободой, а вступая в общественный договор, он передает государству лишь часть своих прав ради обеспечения безопасности и порядка. Джон Локк, чьи идеи оказали колоссальное влияние, прямо связал личную свободу с правом собственности на свое тело, труд и его результаты. Он сформулировал «триаду» естественных прав: на жизнь, свободу и собственность» [7. С. 205].

Именно в этот период происходит решающий сдвиг от «свободы для» к «свободе от». Классическое определение дал Исайя Берлин, назвав это «негативной свободой» — свободой от вмешательства, принуждения и произвола со стороны других, особенно со стороны государства» [2. С. 122]. Задача государства, по либеральной доктрине, — не предписывать человеку цели, а создать правовые рамки (законы, одинаковые для всех), которые гарантируют максимально широкую сферу личной автономии. Шарль-Луи Монтескье развил идею разделения властей как институционального механизма, призванного предотвратить узурпацию власти и защитить свободу граждан.

Философские идеи Просвещения нашли свое практическое воплощение в революционных документах и конституциях конца XVIII–XIX веков, что ознаменовало юридическое рождение понятия личной свободы как субъективного публичного права.

В Великобритании несмотря на отсутствие писаной конституции, принципы личной свободы исторически защищались общим правом и такими актами, как Habeas Corpus Акт 1679 года, который ограждал человека от произвольного ареста.

В США Декларация независимости (1776) провозгласила право на жизнь, свободу и стремление к счастью неотчуждаемыми дарами Творца. Билль о правах (1791), первые десять поправок к Конституции, прямо зафиксировал целый ряд аспектов личной свободы: свободу слова, вероисповедания, неприкосновенность личности и жилища, защиту от необоснованных обысков и арестов.

Во Франции Декларация прав человека и гражданина (1789) в статье 1 заявила, что «люди рождаются и остаются свободными и равными в правах», а статья 2 определила свободу как одно из естественных и неотчуждаемых прав человека [3. С. 18].

Идеи личной свободы проникали в российскую правовую мысль с запозданием. Существенным, хотя и половинчатым шагом, стала крестьянская реформа 1861 года, отменившая крепостное право и даровавшая бывшим крепостным личную свободу (хотя и с ограничениями). Судебная реформа 1864 года ввела элементы независимого суда и равенства перед законом. Однако полноценное конституционное закрепление прав и свобод, включая личную свободу, произошло только в начале XX века (Манифест 17 октября 1905 года, свод Основных государственных законов 1906 года).

В XX веке, после трагедий двух мировых войн, содержание понятия личной свободы существенно обогатилось и усложнилось.

Принятие Всеобщей декларации прав человека (1948), Международного пакта о гражданских и политических правах (1966) и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950) сделало личную свободу универсальным стандартом. Эти документы детализировали ее конкретные проявления: запрет пыток и рабства, право на свободу и личную неприкосновенность, уважение частной и семейной жизни, свободу мысли, совести и религии.

Критика классического либерализма (со стороны социалистов, социал-демократов) привела к пониманию того, что формальной свободы от вмешательства недостаточно. Для реализации личной свободы человеку необходимы определенные социальные и экономические условия (образование, здравоохранение, социальная защита). Так возникла концепция «позитивной свободы» (по Берлину) — свободы как реальной возможности достигать своих целей, что потребовало от государства активной роли в создании равных стартовых возможностей.

В XXI веке новое измерение приобретает защита личной свободы в цифровой сфере. Понятия приватности, свободы от тотальной слежки и защиты персональных данных становятся ключевыми элементами современного понимания личной свободы [10. С. 91].

Как отмечается в современной юридической литературе, «само по себе формальное закрепление личной свободы в законе не гарантирует ее эффективной защиты» [9. С. 30]. Решающую роль играет судебное правоприменение, в котором на первый план выходит принцип пропорциональности (соразмерности). Этот принцип, развитый в практике Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда РФ, является главным инструментом поиска баланса между личной свободой индивида и законными публичными интересами (безопасностью, нравственностью, правами других лиц) [8. С. 56–69].

Принцип пропорциональности требует, чтобы любое ограничение личной свободы:

- 1) преследовало законную цель;
- 2) было пригодным для ее достижения;
- 3) являлось необходимым, т. е. не существовало менее ограничивающих средств для достижения той же цели;

4) было строго соразмерным (пропорциональным) в узком смысле, то есть чтобы выгода для общества перевешивала ущерб, причиняемый ограничением свободы [2. С. 25–31].

Таким образом, генезис понятия личной свободы привел к созданию сложного юридического механизма ее защиты, где философская идея трансформировалась в работающий правовой тест.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что генезис понятия «личная свобода» представляет собой долгий и нелинейный процесс обогащения и трансформации. От античного статуса полноправного гражданина, через христианскую идею свободы воли и достоинства личности, оно пришло к либеральной доктрине естественного и неотчуждаемого права, которое должно быть защищено от произвола государства. Современная эпоха добавила к этому социальное и информационное измерения, сделав личную свободу многогранным и динамичным понятием.

Историческое развитие показало, что утверждение личной свободы — это не только вопрос ее провозглашения в декларациях и конституциях, но и, в первую очередь, вопрос создания эффективных правовых институтов и процедур, способных эту свободу защищать в конкретных жизненных ситуациях. Ключевую роль среди таких институтов играет независимый суд, применяющий принципы правового государства, в первую очередь принцип пропорциональности. Будущее личной свободы в условиях новых технологических и социальных вызовов будет зависеть от способности правовых систем адаптировать эти многовековые наработки к реалиям XXI века.

Литература

1. Аквинский Ф. Сумма теологии. Часть I. Вопросы 75–119. — Киев: Ника-Центр, 2005. — 576 с.
2. Берлин И. Две концепции свободы // Берлин И. Философия свободы. Европа. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — С. 122–184.
3. Декларация прав человека и гражданина 1789 года // Конституции зарубежных государств: Учебное пособие / Сост. В. В. Маклаков. — М.: Волтерс Клувер, 2009. — С. 17–19.
4. Должиков А. В. «Гордость и предубеждение»: соразмерность полного конституционного запрета заключенным голосовать в России. Постановление Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 года // Международное правосудие. 2013. № 4(8). С. 11–31. EDN: SXJYL
5. Зорькин В. Д. Верховенство права и конституционное правосудие // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 30–36. EDN: OPCVBL
6. Коэн-Элия М., Порат И. Американский метод взвешивания интересов и немецкий тест на пропорциональность: исторические корни // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 3. С. 59–81. EDN: NXPFRV
7. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. — М.: Мысль, 1988. — С. 135–405.

8. Михайлов А. А. Принцип пропорциональности: сущность, практика применения европейским судом по правам человека, конституционным судом РФ и значение для совершенствования системы доказывания в современном уголовном процессе России // Уголовная юстиция. 2016. № 1 (7). С. 56–69. DOI: 10.17223/23088451/7/9 EDN: WNGFTJ
9. Пахаруков А. А. Реализация принципа соразмерности в правовом регулировании отношений несостоятельности // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 3. С. 28–32.
10. Солдатов А. А. Цифровая приватность и право: новые вызовы // Государство и право. 2020. № 5. С. 88–97.
11. Фукидид. История. — М.: Ладомир, 1993. — 736 с.
12. Чиркин В. Е. Верховенство права: современные варианты терминологии // Журнал российского права. 2015. № 12 (228). С. 5–11. DOI: 10.12737/16624 EDN: VHEOHV

References

1. Aquinas F. The Sum of Theology. Part I. Questions 75–119. — Kiev: Nika-Center, 2005. — 576 p.
2. Berlin I. Two Concepts of Freedom // Berlin I. Philosophy of Freedom. Europe. — Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2001. — Pp. 122–184.
3. Declaration of the Rights of Man and Citizen of 1789 // Constitutions of Foreign States: A Textbook / Compiled by V. V. Maklakov. — Moscow: Volters Kluver, 2009. — Pp. 17–19.
4. Dolzhikov, A.V. "Pride and Prejudice": The Proportionality of the Complete Constitutional Prohibition on Prisoners Voting in Russia. The European Court of Human Rights' Judgment of 4 July 2013 // International Justice. 2013. No. 4(8). Pp. 11–31. EDN: SXYJL
5. Zorkin V. D. The Rule of Law and Constitutional Justice // Journal of Russian Law. 2005. No. 12. Pp. 30–36. EDN: OPCVBL
6. Cohen-Eliya M., Porat I. The American Method of Weighing Interests and the German Proportionality Test: Historical Roots // Comparative Constitutional Review. 2011. No. 3. Pp. 59–81. EDN: NXPFVR
7. Locke J. Two Treatises of Government // Locke J. Essays: In 3 vols. Vol. 3. — Moscow: Mysl, 1988. — Pp. 135–405.
8. Mikhailov, A. A. The Principle of Proportionality: Essence, Practice of Application by the European Court of Human Rights, the Constitutional Court of the Russian Federation, and Its Significance for Improving the System of Proof in the Modern Criminal Procedure of Russia // Criminal Justice. 2016. No. 1 (7). Pp. 56–69. DOI: 10.17223/23088451/7/9 EDN: WNGFTJ
9. Pakharukov A. A. Implementation of the Principle of Proportionality in the Legal Regulation of Insolvency Relations // Entrepreneurial Law. Supplement "Law and Business". 2018. No. 3. Pp. 28–32.
10. Soldatov A. A. Digital Privacy and Law: New Challenges // State and Law. 2020. No. 5. Pp. 88–97.
11. Thucydides. History. — Moscow: Ladomir, 1993. — 736 p.
12. Chirkin, V. E. The Rule of Law: Modern Variants of Terminology. Journal of Russian Law, 2015, no. 12 (228), pp. 5–11. DOI: 10.12737/16624 EDN: VHEOHV

Сведения об авторе

Хакимов Фаррух Фирдавсджонович — аспирант 2 года Государственный академический университет гуманитарных наук.

E-mail: farruh1996khakimov@mail.ru

Information about the author

Khakimov Farrukh Firdavsjonovich, Graduate student for 2 years at State Academic University of Humanities.

E-mail: farruh1996khakimov@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 05.11.2025

Дата рецензирования / Received: 15.11.2025

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.03.2026